

УДК 811. 161

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В СОВРЕМЕННОМ СЛЕНГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЩЕНИЙ)

Балашова Л.В.

Саратовский государственный университет, г. Саратов, Россия

В статье анализируется метафорическая система вокативов в современном русском сленге. Указывается специфика формирования таких метафор и их функционирования.

Ключевые слова: *метафора, вокатив, сленг, языковая картина мира.*

Обращения как важная часть речевого этикета – системы знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе и в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками [5; 8; 16] – играют большую роль в сленговой коммуникации. Значительное место среди них занимают метафоры: по материалам специальных словарей [4; 6; 9; 10; 11; 12] и записей речи носителей сленга – более 500 таких единиц. Например: – *Эй, пряник, айда рыбу ловить!*; – *Эй, ватрушки! налетайте!*.

Исследователи не раз подчеркивали, что способность имени выступать в позиции обращения не может быть напрямую выведена из его значения, а является особым лексико-прагматическим маркером конкретной лексемы [5; 16]. Вместе с тем сленговые метафоры-вокативы образуют определенную систему, что проявляется в выборе как источника для переноса, так и типа метафоризации. *Цель статьи* – анализ метафорической системы вокативов в современном русском сленге.

Так, в отличие от литературного языка, малопродуктивны в этом качестве семантическая сфера «Неодушевленные природные объекты» (1,5%) – преимущественно номинации веществ, малоценных, неприятных, причиняющих неудобства человеку в его обыденной жизни (ср.: *грязь, шалупень, сажка*) и «Флора» (7%) – обычно единицы, так или иначе связанные с обыденной жизнью человека (ср.: *луковица, морковь, редиска, персик, изюмчик, чернослив, фисташка*).

Напротив, как и в литературном языке, очень регулярно (более 18%) формируются метафоры-вокативы за счет членов СП «Фауна». Как и в предыдущей сфере, основная часть единиц непосредственно связана с обыденной жизнью человека – питомцы, домашние скот и птица, промысловые животные (ср.: *киса, барсик, барбос, жучка, шарик, свиноматка, поросенок, коза, козел, овца, телка, курица, петух, заяц, лось, хорек, фазан, карась, иука*). Как специфическую особенность сленга можно отметить более регулярное использование номинаций экзотических животных, терминологии (ср.: *анчоус, тарантул, тритон, бройлер, овцебык, муфлон, моллюск, бацилла, чеширчатые*).

Чрезвычайно продуктивны в составе метафор-вокативов члены СП «Артефакты» (более 25%), что соответствует общеязыковым тенденциям. Почти половина из них – номинации предметов обхода (ср.: *авоська, бантик, веник, грелка, метелка, мочалка, подметка, сапог, тапочка, терка, утюг, чайник, чемодан, шкаф, шнурок*). Как сленговую специфику можно отметить более активное использование номинаций реалий, характеризующих современный быт (ср.: *плафон, пепельница, розетка, штепсель, энерджайзер, презерватив / гондон*). В то же время весьма примечательно, что достаточно широко употребляются как метафоры-вокативы номинации реалий традиционного быта, известных скорее по книгам, фильмам (ср.: *лапоть, салон, самовар, сундук, тулуп, фитиль, чурка*).

Около четверти СП «Артефакты» – номинации продуктов питания, преимущественно хлебобулочных и кондитерских изделий (ср.: *батон, бублик, буханка, вареник, ватрушка, кекс, крендель, пельмень, плюшка, пряник, рогалик, чебурек*) и традиционно русских блюд (ср.: *супчик, сосиска, сахар, паштет, шварка, шашлык, шницель*).

В отличие от общеязыковых тенденций, в сленге почти не фиксируются как вокативы номинации средств передвижения, сооружений (ср.: *трактор, рефрижератор, тральщик, чердак, плинтус, шпингалет*), зато значительно разнообразнее номинации социальных, экономических, культурных артефактов, причем преимущественно из «мира детства» (ср.: *матрешка, барби, кукла, неваляшка, погремушка, томагоча, букварь, фломастер*).

В соответствии с общеязыковыми тенденциями самой продуктивной в составе метафор-вокативов оказывается антропоморфная метафора (более 33%). Но, в отличие от литературного языка, почти нет интересующих нас переносов в СП «Человек как биологический организм» и «Человек как личность». В первой из них преобладают номинации реалий, так или иначе связанных с «животным низом», с болезнями, уродством (ср.: *задница, жопа, попа, какашка, пенис, заусенец, обломанный ноготь, перхоть, одноглазый, дистрофик, недодельши*); во второй как вокативы преимущественно используются номинации личностной идентификации – русский именослов (ср.: *Вася, Гаврила, Нюша*).

Абсолютное большинство антропоморфной метафоры связано с многочисленным и разнообразным по семантике СП «Человек как часть социума»:

- нация, раса¹, государственная принадлежность (ср.: *индеец, индус, негр, тунгус, турок, удмурт, синегал, монгол, хазары, чукча, эскимос*);
- родственники (ср.: *бацька, братан, мама, папа, сестренка, сынок*);
- профессиональная деятельность – преимущественно традиционная, хотя возможна и современная (ср.: *дворник, доктор, извозчик, кучер, морячок, пахарь, пекарь, скобарь, стюардесса, хлебопек, шансонетка*);
- социальная и должностная иерархия (ср.: *бригадир, мастер, шеф, доцент, профессор, кадр, командир, капитан, рядовой, хозяин, кормилец*);

¹ Номинация человека по расовой и национальной принадлежности может быть включена также в СП «Человек как биологический организм», однако данная характеристика, как правило, сочетается с отнесением лица к определенному социально организованному месту жительства, государственному образованию и т.п.

• асоциальные члены общества, оппозиционеры (ср.: *враг народа, басмач, контра, террорист, бродяга, мазурик, люмпик, урка*).

Зафиксирована метафоризация из групп «Социальная дифференциация (ср.: *интеллигент, крестьянин, кантри, пролетарий, мужик, колхозник, студент, бурсак*); «Служители культа» (ср.: *брахман, падре, поп, халдей, шаман*); «Политические и идеологические группы» (ср.: *жертва классовой борьбы / красного террора, жидомасон, пионер, комиссар, политрук*); «Группы по интересам» (ср.: *тимуровец, мичуринец, турист*).

Как показывает материал, метафоры-вокативы чаще отражают отечественную социальную систему, обычно прошлых эпох – социалистическую, монархическую. Но носители сленга демонстрируют достаточно хорошее знакомство с мировой историей и современной мировой социальной ситуацией. Аналогичный вывод можно сделать на основе анализа семантической сферы – «Прецедентные феномены» (около 15%). Использование такого рода лексики в целом характерная особенность современного сленга [1; 2]. Однако в нашу систему регулярно попадают единицы вполне конкретных групп: «Литература и кинематограф» (ср.: *Бандерлог, Дуремар, Братец Кролик, Карлсончик, Лошарик, Мурзилка, Пьеро, Пятачок, Золотая рыбка, почтальон Печкин, Слонопотам, Сова, Чебурашка, Чудо-Юдо, Ихтиандр, мушкетер, Паганель, Пятница, Рэмбо, Шурик*); «Исторические личности» (ср.:); «Сакральные и фольклорные тексты» (ср.: *Батый, Кулибин, Буденный, Котовский, Ленин, Троцкий, Ульянов, Бухарин, Дзержинский, Геббельс, Рокоссовский, Джек-Потрошитель, Кимирсен, Эзон, Достоевский, Пушкин*). Лишь в нескольких случаях зафиксировано обращение к другим группам, например живописи (ср.: *Джоконда*). Легко заметить, что большинство прецедентных феноменов так или иначе связаны с «миром детства», ограничиваясь уровнем «школьной программы» и массовой культуры.

В целом анализ источников формирования метафор-вокативов показывает, что языковая картина мира сленга, с одной стороны, ориентирована общеязыковую, во многом традиционную систему, а с другой – отражает многие современные реалии.

Если рассмотреть принцип формирования сленговых метафор-вокативов, то обращает на себя внимание их вторичность. Большинство членов данной системы лишь опосредованно связано с первичным (литературным или внелитературным – жаргонным, сленговым, диалектным) значением, послужившим источником метафоризации. Вначале формируется экспрессивно-оценочная метафора, получающая распространение в разных типах социальных идиомов (общий жаргон, арго, молодежный сленг), и уже этот ЛСВ становится основой для развития вокативного значения, как правило, с частичной десемантизацией, утратой ряда дифференциальных признаков, присущих исходной метафоре, например: *авоська* – разг. ‘сумка для продуктов, мелких вещей в виде сетки с ручкам’ → сленг. шутил., ирон. ‘жена, подруга’ → ирон. ‘обращение к женщине’; *мухомор* – ‘ядовитый пластинчатый гриб с красной или желтой в белых пятнышках шляпкой на тонкой ножке’ → разг. ‘о дряхлом старике’ → угол. пренебр. ‘милиционер’; угол. пренебр. ‘мужской половой член, не способный к эрекции’; сленг. ‘зануда, скучный, неприятный человек’ → сленг. ирон. ‘обращение к любому человеку’; *анчоус* – ‘мелкая морская рыба, употребляемая в пищу’ → мол. шутил. ‘мужчина, молодой человек’ → сленг. ирон. ‘обращение к любому человеку’.

Формируемые по такому принципу сленговые вокативы, как и литературные, выполняют апеллятивную и экспрессивную функции, причем вторая превалирует над первой. Выбор единицы, тип характеристики с ее помощью собеседника, с одной стороны, зависит от той концептуальной модели, с которой деривационно связан вокатив, а с другой – во многом определяется коммуникативной ситуацией, социально-этикетными правилами, свойственными данной субкультуре.

В частности, в отличие от литературного (этикетного) общения, большинство вышеуказанных обращений содержат негативную экспрессию. Поэтому даже если общая тональность коммуникации воспринимается как нейтральная, дружеская, шутливая и шутивно-ироничная, подобные вокативы отражают стремление говорящего доминировать над собеседником, выстроить отношения по принципу: говорящий – «высший», «уважаемый»; именуемый собеседник – «низший», «неуважаемый» / «менее уважаемый» (ср.: [7]). Например: – *Работай, негр* [о человеке, выполняющем чужую работу], *солнце высоко, зарплата далеко!*; – *Ах ты наш тамагоча!* [о человеке, который требует много заботы, внимания к себе] *Сейчас постелем тебе в коридоре!*; – *Развалились, плитуса!* [о пьяницах]; – *Ну ты, попа с ушами* [о непорядочном человеке], *кто ж тебя просил докладывать?*; – *Я хочу тебе помочь, лошарик* [о наивном, несообразительном человеке]; – *Ну что, Барби* [о симпатичной девушке], *я твой Кен, пошли потусуемся!*

Еще более ярко эти черты сленговой коммуникации проявляются при использовании десемантизированных метафор-вокативов, которые используются по отношению к любому лицу. Характерной особенностью сленгового общения является отсутствие четкого противопоставления положительной / отрицательной оценки собеседника, возможность использования одного и того же вокатива как при дружеском, так и конфликтном, бранном общении (ср.: *животное* – ‘дружеское или пренебрежительное обращение (в зависимости от ситуации)’; *жертва классовой борьбы / красного террора / аборта / пьяной акушерки / чахотки / ошибки акушера* – ‘обращение (руг. или ласк.-друж. в зависимости от ситуации)’; *лапоть* – ирон.-друж. ‘обращение’; *пенис* – ирон. или шутил.-друж. ‘обращение’; *катетер* – шутил.-бран. ‘обращение к любому человеку’; *курица мажорная* – шутил.-ирон. или пренебр. ‘обращение к девушке, женщине’).

Подобная амбивалентность типична для молодежного и других типов сленга [3; 13; 14]. Основная причина подобного феномена, как нам представляется, связана со стремлением носителя молодежного сленга уйти от излишней формализованности и жесткой этикетности литературной коммуникации в целом, противопоставить ей нестандартное, во многом игровое общение.

Выводы. Таким образом, с одной стороны, метафоры-вокативы отражают стремление говорящего к доминированию над собеседником (это проявляется в преобладании номинаций с отрицательно-агрессивной экспрессией), что соответствует общим тенденциям сленговой коммуникации. С другой стороны, метафорические сленговые обращения регулярно меняют тональность общения (по сравнению с литературными и другими сленговыми переносами) – с «+» на «-», и наоборот. В этом явно проявляется игровой характер такого общения, стремление носителя сленга дистанцироваться от формальности литературной коммуникации. Однако демонстративная «антиэтикетность» метафор-вокативов носит регулярный характер, что свидетельствует о создании собственной этикетной системы, в

которой, например, получает отражение присущий сниженным формам коммуникации «мужской» способ демонстрации дружеских отношений (грубость как проявление близости).

Список литературы

1. Балашова Л.В. Метафора и языковая картина мира носителя сленга (на материале прецедентного мира «Детство») / Л.В. Балашова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 2.
2. Балашова Л.В. Зарубежная литература как прецедентный феномен в современном русском сленге / Л.В. Балашова // Язык и общество в зеркале культуры. – Астрахань, 2010.
3. Балаян Э.В. Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодежного жаргона): Дис... канд. филол. наук / Э.В. Балаян. – Саратов, 2006.
4. Белов Н.В. Словарь молодежного и Интернет-сленга / Н.В. Белов. – Минск, 2007.
5. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / В.Е. Гольдин. – Саратов, 1987.
6. Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона / М.А. Грачев. – Москва, 2006.
7. Гуц Е.Н. К проблеме типичных речевых жанров языковой личности подростка / Е.Н. Гуц // Жанры речи. – Саратов, 1997. Вып. 1.
8. Даниэль М.А. Звательность как дискурсивная категория. Несколько гипотез / М.А. Даниэль // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. – Москва, 2008.
9. Ермакова О.П. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. – Москва, 1999.
10. Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга / С.И. Левикова. – Москва, 2003.
11. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт-Петербург, 2001.
12. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь / Т.Г. Никитина. – Москва, 2009.
13. Розина Р.И. Семантические процессы при образовании жаргона / Р.И. Розина, О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. – Москва, 1999.
14. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол / Р.И. Розина. – Москва, 2005.
15. Рыжова Л.П. Коммуникативные функции обращения / Л.П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин, 1981.
16. Янко Т.Е. Обращения в структуре дискурса / Т.Е. Янко // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – Москва, 2010.

Балашова Л.В. Мовленнєвий етикет у сучасному сленгу // Ученіе запіски Тавричского національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.266-270.

У статті аналізується метафорична система локативів у сучасному російському сленгу.

Ключові слова: метафора, локатив, сленг, мовна картина світу.

Balashova L.V. Speech etiquette in the modern slang // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.266-270.

In the article, the metaphor system of vocatives in contemporary Russian slang has been analyzed. The specific of the forming of such metaphors and their functioning has been discussed.

Key words: metaphor, vocative, slang, language picture of the world

Поступила в редакцию 22.03.2011 г.